

правда, немецкий, т. к. владевший русским директор находился теперь в свите Гончарова.

По пути Желиховская посетила еще несколько мест, из которых Ауланко произвел на нее особенно благоприятное впечатление. Однако везде проблемой оставалось слабое или незначительное знание населением русского языка. Это вовсе не объяснялось русофобией. Например, священник православной церкви в Хямеенлинне заверял, что православные обряды никак не нарушаются и что он ведет службы также и на финском языке. Большую часть православных в Финляндии составляли финны, а не русские. Проблемой прежде всего являлось то, что общины и русские школы были очень бедны.

Постоянным читателям «Московских ведомостей» местная ситуация, бесспорно, казалась в этом отношении исключительной, т. к. у газеты в обычае было добросовестно сообщать о различных происходящих в Финляндии притеснениях русских и религиозных нарушениях, как, например, о входе в храм в головном уборе и с зажженной трубкой или об оскорблениях священников и прочих неприятностях. О более волнующих происшествиях также писали: рассказывали, что финские солдаты подожгли икону; в пьесе писательницы Минны Кант насмеялись над православной верой, когда говорили об иконах Олонецкой церкви; и, как своего рода предел всего, газета приводила пример, как присутствовавший на учениях финляндской гвардии писатель при продвижении на восток вдруг почувствовал «вредный запах рюсся». Для достоверности фраза была воспроизведена и по-фински.

Репортаж Желиховской вполне подходил для общей линии «Московских ведомостей», т. к. в нем подчеркивалась языковая обособленность пограничной территории и дискриминация русских и русского языка в Великом княжестве. Однако тон писательницы не был особенно гневным, у нее нашлись слова признательности в оценке тех дел, которые она сочла положительными. В целом репортаж способствовал, однако, упрочению того предвзятого мнения, которое уже сложилось у читателей националистической прессы и не всегда было вполне достоверным.

Толстой в Финляндии и в России

Финны хорошо знают Льва Толстого, этого «Большого рюсся», этого «старика из Ясной Поляны», как именовал его в своем талантливом фельетоне лауреат Нобелевской премии Ф.Э. Силланпяя. Финны

с особым вдохновением читали «Войну и мир», «Анну Каренину» и многие другие его сочинения. Хорошо известно, что финны иногда отправлялись в паломничество в Ясную Поляну, что Арвид Ярнефельт учился у великого старика, бросил свою барскую жизнь, занялся ремеслом сапожника помимо литературного творчества.

Но Толстой был значительно больше, чем тот одетый в крестьянский армяк граф, который хотел вспахать землю, как крестьянин, и восхищался простым народом и его подлинными и неиспорченными обычаями. Толстой был не только пацифистом, но также старым воякой, чей патриотический дух страдал, когда российская армия скверно выполняла свои задачи.

Толстой, разумеется, более велик и сложен, чем собрание его сочинений. Неспроста сэр Исая Берлин в своем известном эссе *The Hedgehog and the Fox* пришел к тому выводу, что Толстой отнюдь не был ежом, способным только на один трюк. Он был скорее лисой, знавшей бесчисленное количество трюков.

В творчестве Толстого мы можем увидеть сильную любовь к родине и искреннее уважение к русскому человеку. Простой крестьянин Платон Каратаев учит франта из высшего света Пьера Безухова лучше понимать жизнь, чем самые умные книги. Левин в «Анне Карениной» испытывает глубокую связь с природой и народом, когда занимается простым физическим трудом в поле. Истинный Бог пребывает в самом человеке, не в храме и его живых ритуалах. Во всех самых обычных людях присутствует кроме неба и тайн религии также и ад. Смерть обычного человека Ивана Ильича обычна сама по себе, но также вместе с тем это ужасающая история.

Толстой был анархистом, что знает каждый. В своей повести «Хаджи-Мурат» он описывает, насколько абсурдно, что живущее в собственном иллюзорном мире государство считает себя правящим миром. Указ императора бесчувственно и безнравственно предписывает уничтожение народа, когда у монарха нет даже примерного представления о том, как его приказ будет выполняться и какие события последуют. Действительность превосходит все худшие ожидания, она ни во что не вмещается. Человек, который считает, что он управляет событиями, как Наполеон под Бородино, в действительности представляет собой полный нуль. То, что происходит, происходит независимо от человека, и то, что во всем есть великое, остается вне его человеческого разума. Действительность открывается только смиренному наблюдателю, у которого нет иного стремления, кроме любви, и который бескорыстен.

Родство идей Толстого с восточной философией очевидно. Человека ведет вперед безрассудный инстинкт. Он всегда желает того, что недостижимо, и в основе всех несчастий и ложных представлений лежит желание — своевольное отношение к объекту. Того, что желается, недостаточно таковым, каково оно есть, им желают владеть и его желают подчинять. Уже чистого желания достаточно, чтобы исказить объект, а при этом и сам субъект. Счастье возможно лишь тогда, когда желание заглушено. В восточной философии это называется нирваной. В Европе Шопенгауэр придал этому значимость способа приближения. Парадоксально, но Махатма Ганди, который в принципе мог почерпнуть основы толстовского учения из родной почвы, вдохновение для своей программы ненасильственного сопротивления получил именно у Толстого.

Резко настроенный в старости против государства и церкви, Толстой оказался с ними, что вполне понятно, в очевидных конфликтах. Православная церковь не могла перенести того, что ее священные обряды именуется насмешкой над Богом. Государство не могло стерпеть того, что Толстой призывал соблюдать изначальное учение христианской веры и запретил убивать и приносить клятвы.

Смерть Толстого в результате его драматического ухода лишний раз сделала его известной во всем мире личностью. Он был высоким моральным авторитетом для многих людей во всем мире, и в Финляндии у него имелась целая группа страстных последователей: как писателей и людей практических профессий, так и совершенно обычных людей, которые жаждали истины и справедливости, но утратили веру в учение церкви. Не только Арвид Ярнефельт восторгался Толстым, имелась большая ватага других, среди которых в первых рядах были писатели правого крыла Коскенниemi и Талвио, Кианто и Вилкуна. Эйно Райло также высоко чтит классика.

В своем максимализме Толстой был великим революционером. Не случайно, что мастера очень ценил Владимир Ильич Ленин, который, разумеется, с другой стороны, презирал полную непрактичность Толстого и его неприятие насилия. Сам революционер, т. е. как создатель направленного против любых авторитетов строения, Толстой, напротив, даже с точки зрения большевиков, был вполне пригоден. Не случайно ведь его в свое время причисляли к великим революционерам России, даже точнее — к группе родоначальников.

Что касается самой революции или, скорее, духа революции, то имелся широкий водораздел между финнами и русскими. Граница проходила, разумеется, не там, где проходила граница между двумя нациями. У Толстого как российского революционера имелся как бы плацдарм в Финляндии, который неожиданно сильно расширился в беспокойный 1917 г. и на который опирался кровавый мятеж 1918 г.

Отношение многих финнов к Толстому определялось в большей или меньшей степени тем революционным радикализмом, который со временем стал центральной частью учения Толстого. Не было единого мнения о средствах. У Толстого-лисы русские находят вообще все, в чем испытывают потребность. Под чарами мастера оказался в свое время Максим Горький, тянувшийся к высоте ученик Ницше, героями которого были босоногие нищие, цыгане, представители люмпен-пролетариата. Горький считал, что следует искать высшую правду, улучшить мир в безжалостной борьбе — разовым революционным переворотом. Те, кто пытаются уклониться от этого диктуемого неизбежностью окончательного решения, являются дезертирами, которых Горький клеймил самыми плохими словами, допустимыми среди российской интеллигенции. Он называл их мещанами.

Когда истина определяется таким образом, то и судьбой Толстого было оказаться в презируемой группе, по терминологии Горького, мещан. Ведь он провозглашал, что зло нельзя побороть злом, а это означало борьбу без конца. У Толстого была еще одна важная идея, касавшаяся сексуальности, — он относился к ней принципиально отрицательно. Телесная любовь в романах Толстого — чистая мука, где разрядка не приносит удовлетворения. «Анна Каренина» по непонятной для меня причине была названа великим романом о любви. На самом деле речь идет о мрачном осуждении сексуальности.

Как бы там ни было, Толстой стал ключевой фигурой для такого явления конца XIX в., которое известно как декадентство. В противоположность тому, что можно было бы вообразить, декадентство отнюдь не было только неудержимым развратом или половой извращенностью, каковой также считался гомосексуализм. Декадентство было также той же перверсией, когда женщина и мужчина жили вместе без секса. В «Крейцеровой сонате» Толстой прямо исходит из того, что сексуальность омерзительна и является по природе бесовской силой, которая портит образ женщины в уме мужчины и превращает женщину в развратное существо,

которое оголяет свою грудь и плечи и подчеркивает свой зад, чтобы возбудить мужчину. Большая часть западного искусства, по его мнению, в конечном счете только служит разврату и сладострастию. Действительно ли человек должен стремиться, помимо добра и истины, также и к красоте? По мнению Толстого, нет. Красота женщины, апофеоз красоты, в конце концов, только западня и мука, как ее описывает Проповедник.

Могучий старик-граф был далек от того женоподобного денди, который стал в конце века — *fin de siècle* — символом декадентства. Оскар Уайльд с его гомосексуализмом и Зинаида Гиппиус с ее андрогинией были полнокровными типажамы декадентства, если позволительно так выразиться, но именно сквернословие в адрес нормальной сексуальности, к которому прибегал Толстой, было на самом деле ядром вопроса, критерием декадентства.

Вслед за Иисусом архетипичный радикал Толстой заявлял, что уже один взгляд на женщину означает грех, прелюбодеяние. Из этого напрашивается вывод, что акт прелюбодеяния предельно не особенно ужасен, или еще более радикальный вывод, что повседневная нормальная человеческая жизнь является в основе своей мерзейшим преступлением.

В атмосфере *fin de siècle*, когда все старое в новой жизни огромного города подлежало разрушению и уничтожению, у этого процесса был свой собственный резонатор. Буржуазная мораль получила теперь критиков, как правого, так и левого направления. Очень многие были едины во мнении о лживости и лицемерии общепринятой жизни класса буржуазии. Проституция была ярким свидетельством аморальности, на нее нападали и Толстой. Насколько омерзительным было то, что франт, в обычае которого было развратничать в домах веселья и который в действительности приобретал там сифилис, мило беседовал с невинной девочкой! Негодяю следовало бы указать на дверь, но вместо этого ее родители благосклонно относились к нему, желая, чтобы дочка повыгоднее вышла замуж.

Целью жизни главного героя Арвида Ярнефельта в его романе *Veneh'ojalaiset* Ханнеса было уничтожение проституции. Его революционный круг планировал ужасные террористические акты для достижения этой цели. Планировалось даже затопить Петербург, открыв для этого фантастические «Невские плотины» в верхнем течении реки. Что касается Гельсингфорса, то планировалось угрожать городу пушками из Свеаборга: если публичные дома не будут уничтожены, город превратится в груды

щепня. Прообразом Ханнеса была видная фигура в событиях 1905–1906 гг. — Юхан Кок, который, правда, не остался доволен своим литературным воплощением.

Согласно трактовке радикальной интеллигенции того времени, брак также был формой проституции, если в нем отсутствовала любовь. Но возможна ли вообще любовь в браке и, кроме того, как быть, если в какой-то период любовь будет обращена на какого-то другого партнера, а не на супруга? В «Крейцеровой сонате» Толстой, кажется, придерживается взгляда, что единственное решение — подавление страсти. Некоторые из его почитателей, как, например, Илмари Кианто, напротив, полагали, что формальный брак является сам по себе безнравственным институтом и если достаточно любви, то является возможным сожителем с несколькими партнерами, даже одновременно.

Напрасно говорить, что вопрос о сексе был основным на рубеже столетий. Такие пророки в этой области, как Отто Вейнингер и Зигмунд Фрейд, пытались сделать это наукой. Отмечалось, что крупные города полны истеричных женщин и нервных мужчин. Болезнью того времени была чрезмерная и извращенная сексуальность, которая, по мнению ученых мужей, высасывала из человека жизненные силы. Нескончаемое возбуждение, разврат и мастурбация делали человека безвольным и беспомощным. Противопоставить этому можно было только аскезу или сублимацию. А можно ли начать жить по-новому, когда место сексуальности займут иные природные силы? Можно ли возвести сексуальность на новый и более высокий уровень?

В России, как и в Европе, эти мысли находили свой отклик. Святая для российской интеллигенции книга Чернышевского «Что делать?», которая, согласно подзаголовку, являлась рассказом о новых людях, также была построена вокруг этой центральной тематики. Она доносила мысль о подчинении сексуальности рациональной и планируемой общественной жизни. Таким образом, женщины способны были достичь человечности и равенства с мужчинами.

Книга Чернышевского имела огромное влияние в российской и, можно сказать, в мировой истории. Ленин читал ее снова и снова, и она оказала решающее воздействие на его интеллектуальное становление. В большевистской России негативная позиция Чернышевского в вопросе о сексуальности была сохранена наряду с либертинистским радикализмом. В классической работе Федора Гладкова «Цемент» идеализированные главные герои воздержива-

ваются от половых связей. В книге Островского «Как закалялась сталь» также описывается, как половое влечение должно быть подчинено классово-борьбе.

Но вернемся к Толстому. В Финляндии он стал великим учителем одного поколения и вызывающим восхищение писателем и моралистом. С другой стороны, он стал символом России, и в течение нескольких лет казалось, что граница между Россией и Финляндией, эта «китайская стена», пересечена. Политическое противоречие с той властью, которая угнетала как Финляндию, так и Россию, и против которой пророк из Ясной Поляны безуспешно боролся, отнюдь не являлось той причиной, которая заставляла чуждаться русской культуры.

Для плеяды правых писателей — Эйно Райло, В.А. Коскениemi, Кюёсти Вилкуна и Майла Талвио — положение русской культуры в первых рядах общемирового культурного процесса было очевидным. Следовало ехать в Петербург или в Москву, чтобы восхищаться театральными постановками. Как Толстого и Достоевского, так и Чехова и Тургенева переводили в начале столетия на одном дыхании. Мятужника Максима Горького чествовали в Национальном театре Финляндии, а великие поэты Серебряного века, со своей стороны, писали воодушевленные и восторженные стихи о Финляндии.

В 1908 г. журнал *Aika-lehti* опубликовал речь Майлы Талвио на торжестве в честь Толстого. Пришедший в восторг оратор назвал Толстого «величайшим искателем истины нашего времени», который показал, что счастье заключается в том, чтобы жить ради другого. Только жаждущий любви и жертвенности может быть удовлетворен. «Нам следует освободиться от тех групп и масс, благодаря которым мы шествуем, ненавидя, и преследуя, и замысливая проклятия... истина, любовь, в них цель ищущего, в них счастье, в них Бог». Толстой не одобрял более ни церковь, ни государство, приравненную к нему родину. Стала ли Майла Талвио также анархистом, как и многие другие финские последователи Толстого?

Да, и при чтении Толстого у нас имелась потребность в переводе. Владение финнами русским языком было довольно скудным. Принудительное изучение русского при Бобрикове отнюдь не улучшил ситуацию, скорее, пожалуй, напротив. Братья Ярнефельты, правда, учили русский еще дома, но круг владеющих русским языком был весьма ограниченным. Центральными фигурами в нем были учившиеся в Москве стипендиаты («московские магистры») Кианто, Тойво Т. Кайла и братья Калима.

Реакция не заставила себя ждать. В 1912 г. В.А. Коскенниemi опубликовал программную статью *Oriens an occidentis*, в которой разнес «Анну Каренину» Толстого. Статья, однако, была в основном посвящена тому, в каком направлении должна развиваться финская культура. В направлении России, которой еще не так давно жестко управлял Столыпин, заставлявший представляющую российский народ Думу снова душить Финляндию? Или же повернуться спиной к России и обратиться к Западу? По мнению Коскенниemi, в российской культуре, несмотря на заслуги, имелись серьезные недостатки. В ней отсутствовал баланс воли, ума и сердца. В русской культуре отсутствует подлинный характер, созидательная сила. Толстой был мастером показа конкретного, чувственного, мимолетного. Где дух? На это же обращали внимание и другие финские критики — от Эйно Лейно до Юхани Сильо. Глубоко восхищавшийся Толстым Кюёсти Вилкуна потом бросил «своего прежнего мастера» и всю русскую культуру, включая Достоевского, которыми восхищался в юности.

Радикализм Толстого представлял собой, прежде всего, практическую проблему. Он предлагал требовать невозможного, что было отравой для истинного, подлинного созидательного труда. Новозаветный морализм Толстого делал грехом все, не позволяя «идти с мечом» против сил зла. Политика уступчивости и пассивного сопротивления минувших дней у тогдашнего образа мышления в Финляндии уже не была в политическом почете — во всяком случае, после 1917–1918 гг.

В тюрьме на Шпалерной над Вилкуна висел приговор о смертной казни через повешенье, и для него стало очевидным, что мир можно изменить, только отвечая ударом на удар. Ценности защитника «мягкости», Толстого, подстрекавшего людей к мятежу и запрещавшего затем наказывать их, не могли указывать направление в новое время.

В гражданскую войну Вилкуна стал активным борцом и жестоким человеком, который самочинно казнил людей. Вся русская культура, которая проникла к 1917 г. глубоко в Финляндию и ее рабочий класс, представляла смертельным ядом, от которого следовало освободить страну. Эту программу теперь усвоили те самые люди, которые в первое десятилетие столетия и ранее были столь сильно воодушевлены русской культурой и являлись ее проводниками в Финляндии.

Русская революция не только лишила власть ее безжалостного и brutального аппарата насилия, которому финны вместе с русской

интеллигенцией противостояли. Во власть после императорских приспешников пришли отнюдь не лучшие представители интеллигенции, а ее подонки, большевики, которые не замедлили с тем, чтобы максимально эксплуатировать самые низменные инстинкты простонародья.

Россия Арвида Ярнефельта

У Арвида Ярнефельта Россия присутствовала в его собственном роду, во многих смыслах. Сам он был наполовину русским, т. к. его мать была русской, хотя и из немецкого рода. Арвид пару лет учился в Москве, владел русским и знал российскую литературу. С российскими родственниками, Клодтами, поддерживалась постоянная связь, и у широко образованного Арвида во многих отношениях имелись возможности стать настоящим космополитом.

Несмотря на это, финский национализм стал тем элементом, которым жили Ярнефельты и в соответствии с которым и для них граница между Финляндией и Россией была реальной, хотя в этом случае через нее и был построен особый мост.

В романе «Роман моих родителей» Ярнефельт дает полудокументальное описание истории своей семьи. Его он писал в 1920–1930-х гг. С исторической точки зрения в нем есть известные ошибки. Сочинение, однако, можно читать как современный документ; искренность автора ставить под сомнение нельзя.

В сценарии Ярнефельта его отец Александр отправился на службу в Россию именно затем, чтобы избежать обрусения, а не освоить ее язык и обычаи. Его целью была карьера, чтобы затем можно было служить своему, говорящему по-фински народу. Александр даже отказывался читать новую русскую литературу, а вместо нее читал по утрам Рунеберга и постепенно выучил его всего. Александр принадлежал к тем, родиной которых была финская нация. Большая часть служивших в России «соотечественников» были, напротив, карьеристами, космополитами или, позже, шведоманами, родиной которых являлось Финляндское государство. Это государство, опять же, было важно для них потому, что оно гарантировало сохранение их привилегий. Народ они презирали или мало интересовались им.

Так обстояли дела, по крайней мере, в изображении сына Арвида десятилетия спустя. Арвид описывает, как его отец затем